

С. НИКИТИН

Встречи с Распутиным¹

Их было много, этих встреч... С того момента, как Распутин, до того никому неведомый тобольский поселянин, нежданно-негаданно вознесенный судьбой, появился на столичном горизонте, и почти до момента роковой развязки с жизнью.

Первая встреча моя была у г[оспо]жи, и тогда же впервые в печати появилась обширная беседа с Распутиным.

Живо помню первое впечатление мое: было в Распутине что-то жуткое, тревожное, смущающее, особенно в металлическом взгляде его холодных серых, насквозь пронизывающих глаз.

Салон гр[афини] И[гнатъевой], особняк Г[оловино]й, дом г. К., «апартаменты» самого Распутина на Английском проспекте и скромная квартира на Гороховой...

Помню его «большие приемы» на Английском проспекте, когда еще «Гришка» входил «в славу».

У подъезда был целый съезд авто, собственных экипажей и извозчиков.

Уже у самой парадной, почти при входе, стояла очередь «хвоста», не уступавшего по длине нынешним продовольственным хвостам.

В квартире, во всю длину коридора, в нетерпеливом ожидании, почтительно покашливая в кулак, стояли генералы, шикарные светские дамы, мелкие чиновники, лавочники, приказчики...

Время от времени из своей «приемной», сквозь почтительно расступавшуюся толпу, в красной шелковой рубахе, портах и домотканых туфлях, прошмыгивал «Гриша» с ворохом бумаг в руках:

¹ Печатается по: Петроградская газета. 1916. 21 декабря. № 351. С. 2.

— Ну, прошение-то, прошение подавай, а не то вот сиклетарше... — говорил «Гриша» на ходу характерной крестьянской скороговоркой.

— Вот, милой, сколько народу-то, и так кажинный (середина слова нрзб. — *Сост.*) день... Покоя нет... — пенял мне «Гриша», утюжа рукой свою окладистую бороду.

* * *

И действительно, ни на одном министерском приеме не приходилось видеть такой огромной и разношерстной толпы просителей.

Баронесса Т[аубе], познакомленная мною с «Гришей», по настойчивой ее просьбе, рассказывала мне потом, как в ответ на ее просьбу об оказании ей содействия в одном очень важном деле «Гриша», ничтоже сумняшеся, властно и решительно изрек:

— Позвони сейчас же по телефону Ш[тюрье]ру (тогда еще члену законодательной палаты).

— Ну удобно ли, Григорий Ефимович, ведь он меня не знает, — возразила баронесса.

— Эка важность, не знает, ничаво... Скажи Григорий приказал...

И... дело было сделано...

«Григорий приказал» было каким-то гипнозом не для одного савновника Ш., занявшего потом после таких «приказаний», виднейший пост.

Но бывали, впрочем, случаи, когда на устные «Григорий приказал» отвечали гробовым молчанием, иногда безграмотные письменные просьбы и «приказания» рвались на мелкие клочки.

* * *

Но «Гриша» не унывал...

«Ослушников» было куда меньше, чем почтительных исполнителей властной воли тобольского мужика.

Часто к «Грише» обращались при «последней крайности», обращались за выручкой из беды, а то и просто по «делам коммерческим»...

И в таких случаях «отец Григорий» был парень не промах, блестяще обделывая самые выгодные комбинации.

«Гришу» приглашали не только те, кому это было выгодно, но и потому, что в «обществе» с «Гришей» было не скучно.

* * *

Как-то раз из любопытства я принял приглашение на «обед с Распутиным».

За обедом, конечно, «Гриша» был центром общего внимания, старался что-то добродушно, по-мужицки, острить, что-то изрекать.

«Гриша» оказывал честь «спиртуозным» напиткам, и, «классно» выпив, слегка покачиваясь туловищем, обводил всех вызывающим ироническим взглядом.

— Ну, братцы, — скомандовал вдруг Гриша, взмахнув руками, — споем, что-лича...

«Гриша» запел, и гости дружно подхватили разудалую народную песню.

«Гриша» больше дирижировал, чем пел...

Покачиваясь, вышел он из-за стола.

— Робята!... плясать хочу, — заявил он. — Давай музыку, хозяин, ей!..

И под звуки рояля «Гриша» пустился в пляс, исправно оттопывая трепака.

Вдруг, оборвав танец, «Гриша» подлетел к молодой, блестящей бриллиантами и красотой даме и, взяв ее под руки, сказал:

— Барынька, пойдём плясать...

И барынька плясала...

Бывали минуты, когда веселье пропадало, и «Гриша» садился в сторонку, молчал и недоверчиво посматривал по сторонам.

* * *

В последние дни «Гриша» почти никуда не выезжал.

Штат «состоящих при Грише», дежуривших у ворот, на парадной и у дверей квартиры дома, где жил «Гриша», был значительно увеличен.

«Гриша» любил афоризмы.

Возьмет, бывало, клочок бумажонки, посмотрит в глаза даме и нацарапает своими размашистыми каракулями: «красота — ничто, душа — все».

«Труд — это верный путь ко спасенью; в нем нет ошибки».

Не раз «Гриша» приезжал на обеды в сопровождении весьма заметных в бюрократическом мире персон, почтительно внимавших каждому изречению модной бородатой пифии в шелковой рубашке и высоких лакированных сапогах.

* * *

В день появления слухов о трагическом закончании необычайной жизни «Гриши», в 9 часов вечера, я направился в Гришину квартиру, на Гороховой.

На дворе и на парадной Гришиной квартиры уныло дежурил усиленный штат «состоявших в распоряжении».

* * *

Неизвестный дотоле мне человек опасливо осмотрел меня через щель двери, и только назвав имя одной яркой почитательницы Гриши, как я знал, присутствовавшей там, я был пропущен в осиро[тев]шую квартиру «Гриши».

— Я ничего, ровно ничего не знаю[, — с] непритворной скорбью сообщила мне [вы]званная мною г[оспо]жа С. — С вечера его [нет.] Ходят тревожные слухи. Ах, Господ[и!]

Какой-то господин восточного типа [еже]минутно подходил к телефону и гру[бо-раз]драженно отвечал на вопросы моих [нрзб]ных коллег, очевидно не остававших[ся в] долгу, так как время от времени [он] кричал в телефон: «Спасибо, и вам [то]го же желаю!» и отходил от телефо[на.]

